

Есть женщины в русских селеньях

ЖИЗНЬ — ПОДВИГ

Когда сталкиваешься с потрясающими судьбами русских женщин, невольно всплывает в памяти одна народная сказка. В ней героя часто посылали туда, не знаю куда, принести то, не знаю что! Только в судьбах русских женщин сказка превратилась в явь. Особенно у тех, которые пережили войну и голод, разруху и потери кормильцев, но вопреки всему восстановили страну. И слагалась та явь в жестокое время. А героини ее — настоящие подвижницы. Силой молитвы и крестного знамени на военных пожарах они строили новую жизнь. Не скулили, не роптали на судьбу, не опускали руки.

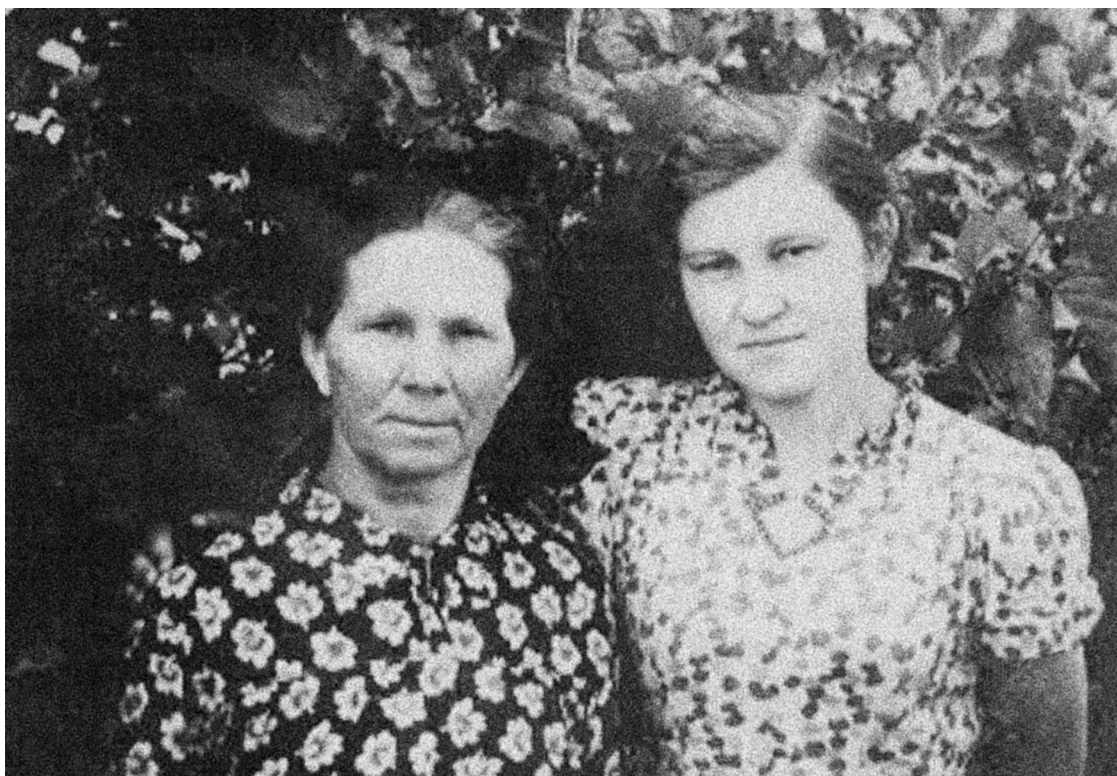
Про свою маму рассказывает учительница-пенсионерка Надежда Константиновна Баланикова.

Надежда Константиновна: Маму звали Ульяна Кирилловна Сыськова. Рукодельница была. У меня до сих пор лежат вышитые ею полотенца полотна домотканого. Мама сама и ткала. И кружева вязала.

С каких пор помню маму?! С раннего детства. До войны стоял в доме всегда ткацкий станок, прялка была. Мама умела искусно перебирать нити, когда ткала полотно, чтобы оно с рисунком выходило. Тогда много льна сеяли, теперь не сеют. Тогда все пряли, все ткали. Даже мы, дети, были к этому причастны. Пока в школе учились, мы все жили с мамой. Мама хозяйка была очень аккуратная. Всегда обед у нас был вкусный, в доме пахло теплом. Папа был тракторист. Его звали Константин Игнатьевич. После оккупации он на фронт ушел и не вернулся — погиб под Пруссией.

У нас в деревне деревянный храм очень красивой архитектуры стоял. И все женщины того времени в него ходили. Я помню еще довоенное убранство церкви. Все в иконах было. Иконы обрамляли вышитые полотенца. Когда началась война, у некоторых жителей иконы потом дома хранились. Все были верующие люди. В селе улицу одну так и звали — поповский край.

На углу церковь была, через дорожку дом батюшки стоял. И эта коротенькая улица была засажена вязами. А понизу сирень — такая красота! На этой же улочке жил мастерской человек талантливый. Сам и кузнец, и гармонист. Он всем после войны написал иконы. И ни с кого платы не попросил. И дома у нас стояла его работы иконка Николая Угодника. Село было большое и от нашего дома до церкви было два километра, но я очень любила туда ходить. В нашей церкви на клиросе было много певчих. И мама тоже пела в церковном хо-

ре. У нее был очень красивый высокий голос. Но после войны не открыли этот храм, он стал складом.

Действующий храм остался лишь в 4-х километрах от нас. Там не было пожара военного. Туда ходили наши женщины молиться. А ходить было трудно. Потому что в основном в колхозе все были полеводы, доярки. Никуда не отпускали их из колхоза. Мама дояркой была. Но как-то подменяли они друг друга, а все равно в церковь ходили: в один выходной одна сходила, в другой — другая пойдет. Иногда мы и сами убежали, особенно на Пасху.

Жили трудно первые послевоенные годы. Но на Пасху мама всегда пекла нам куличики. Я до войны родилась, в 36-м. Брат в 43-м, сестра — в 41-м. И была я с восьми лет всем нянькой. Когда мама уходила в церковь. Или работала в поле. У всех было по многу детей. И старшие нянчили младших. Помню, мама в 4 утра вставала на дойку. Так еще успевала дома печку затопить, борщ томить поставить и мне объяснить, когда печку закрыть, чтобы

угара не было. У нас 50 соток усадьба была. Садили овес, рожь, просо, ячмень и картошку с овощами. Мама на рынок соберется, а нам накажет: «Вот эту крупку истолочь!» И мы слушались беспрекословно.

В первой хатке, какую мама после войны поставила, было всего два оконца. Перед дверью стоял ящик — и стол, и стул и все нам заменял. Так и жили. Хлеба долго не пекли и не ели после войны. Рожь пастуху отдавали, да на посев оставляли. Редко, помню, когда мама пекла сковородники рано поутру. Пойдет на рынок, возьмет их с собой, а потом принесет обратно и скажет: «А вот это вам зайчик передал!» Жалея она нас. Сама и куколок из соломки делала. Какие бы трудности ни были, к Пасхе и к школе мама покупала или шила нам одежду новую.

В мамином роду все люди были очень добрые и умные. Тогда вообще все люди были дружны между собой. Всегда выручали друг друга.

Мама так сильно любила свое село, свою Родину, что от нее это передалось и нам. Скажет, быва-

ло, с восхищением: «Весной как духами облитое стоит село!» Много росло сирени. По лугам черемуха цвела. Село наше называлось Крапивное, и речка в нем была. А мама с женщинами пойдут жито жать, устанут, присядут отдохнуть. Тогда мама успевала нам рассказать что-то интересное о цветах, травах. И мне с детства хотелось изучить каждую травинку, узнать как она называется.

Когда я уже в педучилище училась, мама построила хату на месте сгоревшего в войну дома, ей добрые люди помогли. Да и корова у нас сохранилась в войну. Мама масличко, яички на рынке продавала, чтобы хату поставить.

В войну в оккупации мы жили два года. Половину села немцы сожгли. Это было в Брянской области, на границе с Белоруссией и Украиной. В оккупации они не шибко зверели, малых детей в люльках не трогали. Поросят и кур-то немцы поели, а коров не брали, потому что сами молоко любили. Конечно, когда отступали, они зверствовали сильно. Начали хватать и женщин, и мужчин. Надо было скрываться. Мы

последние уходили из села. Мама вывела нас из дома, посадила малых под яблоньку и говорит: «Пойду, поклонюсь иконке своей». Вышла из дома с узелочком, документы взяла. Мне сказала: «Надюшка, перекрестись на свой дом!» Ночь мы переночевали в скирде, там и папа от немцев прятался. Утром туман сильный был, холодно. И по речке дошли до оврага. Там людей уже много было, все от немцев скрывались. А надо было еще как-то дорогу перейти, по которой немецкие машины шли с солдатами. И попасть в перерыв между машинами, чтобы улицу перебежать, с горочки спуститься, а там уже хорониться. Мама всех нас перекрестила и сказала: «Ну, дети, с Богом! На все воля Божья!» Мы двух детей на руках и пеленки только взяла, чтобы в лес уйти. Никаких вещей. Перед самыми карателями вышли из деревни. Мама оглянулась, уже горит. Деревню зажгли. Начался пожар с амбара, где зерно хранили. Мама поблагодарила Бога за то, что дал возможность спасти детей. Слава Богу, вся семья невредима. Спрятались в лесу от немцев. Там землянки копали...

Война была не только для людей, для скотины тоже. Лошади еще в начале войны ушли на фронт. А немцы через наше село угоняли коров в Германию. Нашего села пастухи были дети, да дед старый. Догадаться и не пригнали коров в деревню. Как раз за нашим селом начиналась полоса большого Брянского леса, там и схоронили все стадо. Освободили нас 17 сентября 43-го года. Когда немцы ушли, люди и коровы вернулись в село — под открытое небо. Наша хата уже догорала.

Как выжили люди, трудно понять. Как же наши мамы работали! После пожара босиком ходили по навозу коровьему и доили коров. Не скоро выдали всем сапоги резиновые. Это теперь люди часто возмущаются, что мало платят. А тогда никто не роптал, все знали, что ни у кого ничего нет. Надо работать и все! Кормилица-корова у нас была, а молочка своего мы почти не видели, были же еще поставки государственных обязательных! Молоко сдавали, взамен обрат получали. Правда, выручала картошка. Мама не плакала никогда, не жаловалась никому. Еще вечером, когда приляжет, и сказочку нам расскажет.

Я на маму свою буквально молось. Понимаю, так не совсем хорошо говорить. Но мы все на маму смотрели как на святую. Конечно, не одна она такой путь прошла. Все женщины ее поколения жили в скорбях. Как они выжили?! Ведь это — подвиг.

гудело, когда Курская дуга была. Тогда немцы отступали быстро. Многие деревни немцы при отступлении сожгли. А нас Бог миловал, зимой немцы от нас драпали. Помню, как наши пришли, село заняли разведчики. Старосту арестовали, чтобы судить. Тогда собралось все село. Ведь староста при немцах всех бил и гонял, лютвал, работать заставлял, и мы прятались от него.

Все время Господа Бога вспоминали, молились. Про Победу узнали, помню, кто песни пел, а кто голосил по погибшим. Потом утишились. Слава Богу, папа наш после войны вернулся живой, но совсем больной.

Когда-то давно в селе церковь была, но ее разрушили. Возле церкви и кладбище.

Конечно, крестили нас всех, но в другой деревне. А после войны старичок священник в доме одном деток крестил, и моих деток тоже. После войны-то замуж я вышла. Свекор был инвалид войны, по локоть руки не было. А я работающая, по правде сказать, была девчонка, и меня скоро посватали. Мне было уже 25 годков. На другой же день расписались, муж 15 рублей в сельсовете заплатил. Пирог спекли, каши наварили, киселя — вот и свадьба! Детей пятеро у нас родилось. Одна померла маленькая.

В городах я не бывала. Мы за трудодни работали и долго денег не видали. На трудодни зерна давали. На 300 трудодней — 100 килограмм зерна. И в бараках мы жи-

ли. А засуха была в 46-м: все погорело на полях. Кору драли с дерев, картошки толкли, протирали с мучицей, все вместе пекли и ели! Весной из травы всякой борщ варили.

Резину на резиновом заводе пять лет делала. И на поле трудилась, и на волах работала, и дояркой я была. А фермы раньше были плохие. Зимой дрова носила. В лес ходили даже по ночам работать. И по грязи пешком ходили в резиновых сапогах. Детишки нам помогали, доставалось и детям. Все мои дети тоже работающие. Вот так жили мы, жили и не тужили. Потом получше стало. Деньги начали платить. Комбайны появились. Уже на комбайнах стали урожаи собирать. Дед мой

скотником был. Коров, лошадей и свиней держали в колхозе. А мы в нем трудились, трудились и трудились. Вместе с мужем до самой пенсии.

Уж и поработала я на своем веку! А в больнице ни разу не была до старости. И знать не знала таблетки. И детей всех дома рожала. Детей раньше в семьях по многу было. И босые и голопопые, а росли все здоровенькие, не то, что сейчас. После пенсии я еще дома коровку и хозяйство держала, на огороде работала. Думаю: «Уж что Бог даст, то и будет». И Он помогает. Недавно приболела, теперь у дочки живу в Васильевском. Когда тяжело бывает, прошу: «Помоги, Господи!»